

**МИНСК И МИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август 1914 – сентябрь 1915)**

Первая мировая война 1914–1918 гг., развязанная правящими кругами двух группировок империалистических держав – Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Англия, Франция, Россия), не явилась полной неожиданностью для белорусских губернских и уездных властей. Нестабильность миропорядка в Европе тут была замечена задолго до начала военного конфликта. Минский губернатор Я. Е. Эрдели еще 11 марта 1912 г. под грифом «Совершенно секретно. Циркулярно» сообщал полицмейстерам и уездным исправникам губернии о том, что «по подготовительным работам учреждений Красного Креста и воинских частей, квартирующих в г. Минске, можно предположить, что политический горизонт омрачен некоторыми разногласиями соседних с нами государств и что при всем нежелании войны, наша империя может очутиться в таких условиях, при которых нельзя будет уклониться от военных действий». Губернатор предписал полицейским властям «немедленно дополнить, поправить, слить и согласовать все свои подготовительные работы [по мобилизации] с работами местных уездных по воинской повинности присутствий, приняв меры к тому, чтобы эти работы... находились в полном порядке...» [1, л. 30].

В связи с этим в г. Минске и губернии активизировалась работа военных и полицейских властей по уточнению и совершенствованию мобилизационных планов, отрабатывались временные рамки мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения, оповещения их и населения путем проведения «учебных» мобилизаций и решения всех связанных с этим вопросов.

Минским городским полицейским управлением был разработан «Перечень работ во время мобилизации и соображения о мерах для поддержания порядка при мобилизации», а также составлен «Список расквартирования» в полицейских участках г. Минска войсковых частей. Из этого документа видно, что накануне войны в Минске квартировались штаб 4-го армейского корпуса, входившая в его состав 30-я пехотная дивизия со своими 119-м Коломенским и 120-м Серпуховским пехотными полками, 30-я и 76-я артиллерийские бригады, другие подразделения [Там же, л. 35–36, 76].

Телеграфное сообщение о мобилизации из Петербурга в Минск, поступило вечером около 22 часов 17 июля. Оно не застало врасплох губернские и уездные власти. Минский полицмейстер в течение двух часов нарочным порядком разослал участковым приставам города заранее заготовленные «особые красные конверты» с объявлениями для населения и личного оповещения мобилизуемых. По распоряжению Минского уездного воинского начальника началась организация и оборудование сборного пункта для приема и осмотра мобилизуемых, временного их расквартирования и обеспечения

порядка. Явка чинов запаса в соответствии с предписанием была назначена на 8 часов утра 18 июля. Минский уездный воинский начальник полковник Горбачёв отдал распоряжение установить «подвижной забор» у места сбора мобилизуемых чинов запаса «на улицах Монастырская и Мало-Монастырская» для прекращения на них движения и назначить на сборный пункт и в районы расквартирования запасных нижних чинов наряды полиции для поддержания порядка [2, л. 11, 19, 20].

Благодаря разработанным и «отрепетированным» на практике правилам, мобилизация в Минске была проведена оперативно и в полном порядке. Единственным недостатком, по словам старшего врача Минского местного лазарета, в котором мобилизуемые проходили медицинскую комиссию, можно считать, что их «родственники и знакомые, несмотря на запрещение, буквально осаждали с целью свидания с испытуемыми и целыми часами простаивали у запертых ворот, нарушая тишину и спокойствие».

Но и в этом был установлен порядок, так как старший врач уже 21 июля обратился к минскому полицмейстеру с просьбой «для восстановления необходимого порядка работы лечебного заведения и предотвращения нарушения необходимой тишины» назначить полицейский пост к лазаретным воротам со стороны Госпитальной улицы [Там же, л. 80].

Прошедшие медицинскую комиссию и признанные годными к военной службе направлялись на пополнение квартировавшихся в Минске воинских частей: 4-го армейского корпуса, 30-й пехотной дивизии в составе 119-го Коломенского и 120-го Серпуховского пехотных полков, 30-й и 76-й артиллерийских бригад, других подразделений. Там новобранцы проходили кратковременное обучение по строевой, боевой и огневой подготовке [Там же, л. 78, 87]. Одновременно с пополнением и формированием войсковых частей в соответствии с военно-конской и обозной повинностью производилась мобилизация перевозочных средств (лошадей, повозок и упряжи). Один из сборных пунктов находился на Троицкой горе – Троицкая базарная площадь, прием лошадей, повозок и упряжи осуществлялся специально созданной комиссией с 18 по 24 июля.

В срочном порядке производилось комплектование и подготовка к отправке к местам сосредоточения и развертывания войск артиллерийских средств, вооружения и обозов.

На территории Минской губернии мобилизация чинов запаса также производилась оперативно и в установленные сроки. Ими пополнялись дислоцировавшиеся в Несвиже 40-я артиллерийская бригада, в Барановичах – 6, 9 и 10-й железнодорожные батальоны, в Бобруйске – 157-й Имеретинский и 158-й Кутаисский пехотные полки, 12-й обозный батальон и были сформированы новые 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й пехотной дивизии [3, с. 16].

После укомплектования войсковых частей личным составом в ряде уездов Минской губернии на сборных пунктах оставался излишек мобилизованных. Уже начиная с 22 июля в штаб Виленского военного округа

об этом сообщали воинские начальники из Минска, Борисова, Бобруйска, Игумена, Мозыря, Речицы, на сборных пунктах которых в общей сложности насчитывалось около 4 500 мобилизованных. Причем их численность продолжала увеличиваться. Например, только в Речице излишек на 26 июля составлял более 2 000 человек. Воинский начальник был озабочен их размещением, просил «спешный наряд на большее количество, чтобы избежать задержки запасных на сборном пункте», так как «сборный пункт для ратников и запасных тесен» [3, с. 18].

В ответ начальник штаба округа распорядился «излишек пока задерживать при управлениях для пополнения недоукомплектованных ещё воинских частей». В соответствии с этим распоряжением уже в ночь на 24 июля из Бобруйска была отправлена команда в 500 человек на комплектование 171-го Кобринского пехотного полка в Гродно. Из Речицы были отправлены 500 человек на комплектование 108-го пехотного Саратовского полка в Белую Олиту. Кроме того воинскому начальнику штабом округа предписывалось немедленно отправить 200 человек в виленскую хлебопекарню, 291 запасных пехоты – начальнику стрелковой бригады в Сувалки, 300 пехотинцев – в Симно, 300 человек» передать в Вильно офицеру 107-го Троицкого пехотного полка; в общем количестве по состоянию на 28 июля, по сообщению воинского начальника, из Речицы было отправлено на доукомплектование частей в Виленской губернии 1 017 запасных нижних чинов [4, л. 115, 124–125].

Кроме пополнения дислоцировавшихся на территории Минской губернии и формирования новых полков действующей армии здесь, в соответствии с мобилизационным расписанием формировались 23 дружины государственного ополчения. Согласно «Положению об устройстве государственного ополчения» их формирование началось на шестой день мобилизации, т.е. после того, как в основном были сформированы части действующей армии. Дружинам присваивались общие номера, причем к номеру дружины добавлялось название губернии: Минская. Формирование дружин и команд производилось при управлениях уездных воинских начальников, а также при войсковых частях. Их обучение начиналось уже по прибытии первых партий ратников офицерами с помощью унтер-офицеров, ранее проходивших войсковую службу [3, с. 29].

Из-за недостатка офицеров при формировании ополченских частей возникли сложности с назначением на командные должности, особенно на должности низшего звена. Об этом свидетельствуют сообщения уездных воинских начальников в штаб военного округа. В связи с этим последовали указания Главного управления Генерального штаба (ГУГШ I) призвать всех отставных офицеров, перешедших предельный возраст, но годных к службе по состоянию здоровья и пожелавших добровольно служить в ополчении. Об этом был уведомлен минский губернатор и это позволило решать вопросы с недостающим контингентом офицерского состава, так как последовали добровольцы – старшие и младшие офицеры [Там же, с. 21].

На должности младших офицеров в дружины государственного ополчения назначались вольноопределяющиеся ратники с образованием 1-го или 2-го разряда, а также не проходившие службы в войсках, но имевшие образовательный ценз. Предпринятыми мерами властям в основном удалось решить проблему с комплектованием ополченских дружин и других подразделений командным составом. Об этом 17 августа сообщал в штаб военного округа минский губернатор [5, л. 593].

Мобилизационным расписанием была предусмотрена поставка от населения технических средств передвижения: автомобилей и мотоциклов. В дни мобилизации такая поставка производилась по заранее составленным учетным спискам с 9 часов утра 21 по 26 июля. Для приема от населения Минской губернии автомобилей и мотоциклов по распоряжению командующего 1-й армией в Минске была создана комиссия под председательством уездного предводителя дворянства. Сразу же было отдано распоряжение полицмейстеру и приставам объявить всем владельцам Минска к 9 часам утра 26 июля прибыть на сдаточный пункт – Троицкую базарную площадь. Поставщиками являлись зажиточные владельцы: помещики, купечество, мещане. Количество поступивших в основном легковых автомобилей было незначительным. По Минску и Минской губернии было принято 28 автомобилей (в основном марки «Мерседес», «Опель», «Форд») и 13 мотоциклов. Неисправные и непригодные для войск возвращались владельцам [2, л. 103–136].

Следует сказать, что мобилизация чинов запаса и ратников ополчения в Минской губернии в основном прошла в установленные сроки и в законопослушании. Хотя имели место случаи проявления социально-классового антагонизма, выразившегося в буйствах и погромах, насильственных акциях мобилизованных крестьян по отношению к помещикам, особенно там, где были застарелые конфликты на почве потрав и захватов сенокосов, лесных порубок. Также недовольство мобилизованных было вызвано запретом властями продажи спиртных напитков и закрытием всех казенных и частных лавок в местах расположения сборных пунктов и по пути следования. Погромы помещичьих имений и винных лавок в Минской губернии имели место в Мозырском, Игуменском и Новогрудском уездах. Все эти разбойного и преступного характера действия совершались под влиянием морально-психологического заблуждения во вседозволенности и безнаказанности в условиях военной обстановки [3, с. 26].

Соединения и части, дислоцировавшиеся на территории Минской губернии, спешно выдвигались в места сосредоточения и развертывания для начала военных действий. В частности, квартировавшийся в Минске штаб 4-го армейского корпуса уже в конце четвертого дня мобилизации, вечером 21 июля, производил погрузку на железнодорожной станции Минск для отправления к границам Восточной Пруссии. По прибытии эшелона в пункт Меречь командование в тот же день, 24 июля, произвело рекогносцировку местности с целью предстоящего выдвижения войск. 26 июля была «закончена

высадка» управления 30-й пехотной дивизии и бригады 40-й пехотной дивизии в Друскениках, 28 июля – 120-го пехотного Серпуховского полка в Друскениках, 30-й и 40-й артиллерийских бригад – в Гродно [7, л. 20, 62, 64].

Выступившие из пределов Минской губернии пехотные дивизии и артиллерийские бригады влились в состав 1-й армии Северо-Западного фронта. Принимали участие в сражениях 1914 г. в Восточной Пруссии и на территории Царства Польского. Имели успехи и неудачи. Причинами последних являлись поспешность выступления в места сражений в угоду союзной Франции, военно-техническая отсталость русских войск перед противником, плохое управление войсками. Все это привело к большим потерям и отступлению русских армий под ударами противника вглубь своей территории весной – летом 1915 года.

В начале отступления, с целью замедлить продвижение противника, лишить его возможности использовать в своих целях людские, производственные и продовольственные ресурсы, Верховное командование русских войск прибегло к применению тактики «выжженной земли» на оставляемой территории. Население насильственным образом снималось с насиженных мест и обращалось в беженцев. Все оставляемое имущество и посевы уничтожались военными и гражданскими властями. Сотни тысяч семей, захватив с собой самое необходимое, на повозках, а большей частью пешком порядком, двигались на восток. Уже в начале июля 1915 г. начальник Минского военного округа барон Рауш фон Траубенберг был извещен о направлении в Минскую губернию 150 тысяч беженцев только из Плоцкой губернии, о таком же количестве отправленных сообщал варшавский генерал-губернатор, сюда же направлялись беженцы из Люблинской губернии и Волыни [3, с. 157].

Следует сказать, что Минская губерния, как самая большая из белорусских губерний по территории, занимавшая центральную и южную части белорусских земель, приняла на себя наибольший поток беженцев с их повседневными проблемами. Уже 4 июля министр МВД князь Н. Б. Щербатов в телеграмме губернатору Минской губернии А. Ф. Гирсу предложил «немедленно выяснить места, где выселяемые могли бы найти... приют и заработок», определить виды и объемы работ, организовать в губернском и уездных городах комитеты с широким привлечением «лиц могущих оказать пользу», возложив на них заботу о помещении, питании и врачебно-санитарной помощи беженцам [8, л. 498].

Власти Минской губернии проводили большую организационную работу по оказанию помощи беженцам. Вопрос об их размещении был рассмотрен на Особом совещании 5 июля, на котором было определено, что для этого пригодны только шесть уездов – Минский, Слуцкий, Игуменский, Борисовский, Бобруйский и Новогрудский, так как в Пинском, Мозырском и Речецком уездах наблюдались случаи заболевания холерой. Предводителям дворянства благополучных в санитарном отношении уездов было рекомендовано «создать экстренные совещания» ранее образованных комитетов

по оказанию помощи беженцам для разработки планов размещения и трудоустройства беженцев, наметить маршруты их передвижения из Барановичей в назначенные уезды. Также местным властям предписывалось оборудовать на станции Барановичи продовольственный, врачебный и изоляционно-распределительный пункты для их обслуживания и «рассеивания» в уездах губернии; «озаботиться принятием исчерпывающих мер» по предоставлению беженцам работы в местах их размещения [3, с. 159].

С ростом потока беженцев в июле – августе 1915 г. губернские и уездные власти были поставлены перед необходимостью организации врачебно-санитарных отрядов для их обслуживания на пути следования по Московско-Брестскому шоссе от границ Гродненской до Могилёвской губерний и создания питательных пунктов в Синявке, Лубенце, Киевичах, Лядках, Слуцке, Горках, Бобруйске, а также по линии Александровской ж.д. – на станциях Барановичи, Столбцы, Минск, Ново-Борисов; Полесской ж.д. – в Пинске, Лунинце, Житковичах, Мозыре, Калинковичах и Либаво-Ромеской ж.д. – в Минске, Осиповичах, Бобруйске. Беженцев, следовавших в Смоленскую губернию железной дорогой через Минскую губернию, обеспечивали питанием военное ведомство, а врачебной помощью – военно-санитарный надзор и врачи железнодорожного ведомства [Там же, с. 161].

На заседании Минского отделения Татьянинского комитета 5 августа 1915 г. при рассмотрении вопроса об оказании помощи пострадавшим от войны председатель отделения, губернатор А. Ф. Гире в своем докладе, обрисовав движение беженцев, которое, по его словам, «с половины июля приняло огромные размеры», сообщил о принятых организационных мерах по открытию и оборудованию в пределах губернии врачебно-питательных пунктов, расселению беженцев по селам и деревням, их трудоустройству, обеспечению планомерного передвижения следовавших транзитом. В проведении этих мероприятий он отметил оказанную финансовую помощь отделению Центральным Татьянинским комитетом и из военного фонда. Выступивший затем заместитель главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта член Государственной думы А. Зарин признал, что принятые в Минской губернии меры по призрению беженцев следует считать «пока достаточными для удовлетворения их первых запросов», но в дальнейшем это «должно самым быстрым образом получить возможно широкое развитие», так как в связи с «условиями переживаемых на театре военных действий событий число беженцев ежедневно растёт и немедленная эвакуация их необходима в интересах нашей армии» [8, л. 561].

В завершение работы совещания было принято решение открыть дополнительно к ранее созданным по Московско-Бресткому шоссе врачебно-продовольственным пунктам чайные с выдачей горячей пищи и хлеба в Городище, Лубенце, Лядках, Слуцке, Олехновичах и Симоновичах; больницу с отделением для заразных больных в Новых Дорогах, построить новые или арендовать для нужд беженцев имеющиеся в Слуцке и Бобруйске бани. Решались вопросы об аренде прилегавшего к шоссе луга и пастбища,

о покупке фуража для лошадей и скота беженцев, ремонте перевозочных средств, устройстве колодцев с питьевой водой; о немедленном командировании на линию шоссе пяти врачебно-санитарных отрядов в Остров, Киевичи, Слуцк, Горки и Бобруйск.

Ставился вопрос о строительстве барака с кухнями и прачечной и обустройстве больницы для беженцев в Минске, о постройке барачков и поиске наемных помещений для жилья, устройстве больниц в уездах губернии. Проявлялась забота об организации снабжения теплой одеждой, лекарствами и молоком для малолетних в местах проживания семей беженцев.

К осени 1915 г. «беженский процесс» в центральной части Беларуси – Минской губернии – достиг огромного размаха. В ранее образовавшиеся потоки беженцев из губерний Царства Польского и Волыни влились беженцы из Гродненской губернии. Огромное их скопление образовалось в Минске и его окрестностях, достигшее, по словам минского губернатора, «нескольких десятков тысяч с детьми, повозками, лошадьми и рогатым скотом». Только на привокзальной территории их скопились более 6000 человек, в надежде уехать на поездах в глубинные районы империи [8, л. 753]. Однако это не всегда удавалось, так как следовавшие через Минск железнодорожные составы были переполнены перевозками военных грузов, эвакуируемых учреждений и оборудования предприятий. Чтобы облегчить положение несчастных людей губернскими властями было «признано необходимым устроить» близ вокзала в бывшем помещении склада убежище для них. Одновременно ставился вопрос перед военными властями о «крайне необходимой подаче хотя бы по одному поезду в сутки» на ж.д. станцию Минск, а также в Старые Дороги и Бобруйск, где было «огромное скопление безлошадных беженцев, достигающее многих десятков тысяч» [Там же, л. 759].

С наступлением осенних холодов положение переселенцев стало еще более критическим. Было очевидно, что без организации перевозок беженцев железнодорожным путем эту проблему не решить. Наконец, 1 октября 1915 г. в Могилёве в Ставке Верховного главнокомандующего состоялось совещание высокопоставленных лиц по обеспечению железнодорожных перевозок, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов прифронтовых губерний, на котором было принято решение организовать с 5 по 15 октября вывоз беженцев вглубь России и выделять для этого ежедневно 1200 вагонов [9, л. 519–520].

Одновременно продолжалось их размещение на незанятой противником территории белорусских губерний. Наибольшее их число осело в Минской губернии – 123 900 человек. В основном они были устроены по крестьянским хатам, где проживали совместно с хозяевами как с оплатой, так и без оплаты за жилье. Продовольствие, хотя и в недостаточном количестве, беженцы получали в организованных благотворительными организациями «Северопомощь», Всероссийским союзом городов, Всероссийским земским союзом питательных пунктах (Старобине, Березино, Пуховичах, Долгиново, Ракове

и т.д.). Также помощь для них поступала от благотворительных национальных обществ и местных крестьян. Местные жители, по результатам опросов, относились к беженцам в основном «сочувственно», «доброжелательно», «миролюбиво», «снисходительно» [3, с. 174–175].

В конце сентября 1915 г. линия русско-германского фронта стабилизировалась на западной окраине Минской губернии. Ее города и местечки были переполнены войсками, их штабами, госпиталями и другими учреждениями.

Таким образом, Минская губерния была важной составной форпоста Российской империи на западе. Уже в первый день войны на ее территории было объявлено военное положение. Население губернии в дни мобилизации явилось надежным источником для быстрого пополнения до штатов военного времени дислоцировавшихся на ее территории частей, формирования новых полков русской армии и дружин государственного ополчения, выдвинутых затем в места боевых действий. Сражаясь с противником в составе войск 1-й армий Северо-Западного фронта, вышедшие из Минской губернии воины имели успехи и неудачи. Причинами неудач являлись военно-техническая отсталость русских войск перед противником, поспешность выступления в угоду союзной по Антанте Франции, плохое управление войсками.

В результате «великого отступления» русских войск вглубь своей территории Минская губерния и ее население приняли на себя большой груз по размещению войск, военных госпиталей и лазаретов; эвакуированных с занятых противником территорий предприятий, учреждений и многочисленных беженцев с их повседневными проблемами в продовольственном и фуражном обеспечении и многом другом. Несмотря на огромные трудности губернские и уездные власти, опираясь на всех жителей губернии, справлялись с решением возникавших проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Минске. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 33.
2. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 63.
3. *Смолянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. – 3-е изд. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 493 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6.
5. РГВИА. – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 134.
6. Документы и материалы по истории Белоруссии : в 3 т. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1953. – Т. 3.
7. РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1849.
8. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 67.
9. РГВИА. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42.